

Полина
ВЕРХОВЦЕВА

Полина
ВЕРХОВЦЕВА

ХОЗЯЙКА СТАРОЙ
КУПАЛЬНИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В36

Серийное оформление — Яна Половцева

Иллюстрация на обложке — Жанна Михайлова

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Верховцева, Полина.

В36 Хозяйка старой купальни : [роман] / Полина Верховцева. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 320 с. — (Необыкновенная магия. Шедевры Рунета).

ISBN 978-5-17-182102-9

Вот попала, так попала... из своего мира, да в чужой. В тело молодой девушки, которая внезапно стала наследницей таинственных «Алмазных водопадов».

Моя мачеха собралась все прибрать к своим рукам, а меня выдать замуж за старого, обрюзгшего проходимца. Как бы не так!

Предвкушая новую жизнь, я сбежала из дома, но ни водопадов, ни тем более алмазов не дождалась. Зато нашла старую баню с весьма импозантными клиентами и зловредным духом, местную мафию и одного очень симпатичного дознавателя.

И что мне теперь со всем этим богатством делать?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-182102-9

© ООО «Литрес», 2026
© П. Верховцева, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

....❀ ГЛАВА 1 ❀....

Я сделала глубокий надрывный вдох и открыла глаза.

Бревенчатый дом с высоким потолком, деревянная мебель, большое окно, возле которого массивный стол. За ним сидит усатый мужчина в темно-бордовой мантии и с серьезным видом перекладывает пожелтевшие листы.

Перед ним на лавках замерли в ожидании какие-то люди: тощий мужичонка с седыми волосами, едва прикрывающими плешь; дородная женщина, то и дело кокетливо поправляющая крупный цветок в затейливой прическе; двое молодых, но неприятных на вид мужчин и девица с капризно надутыми губами.

Я сидела позади всех, в самом дальнем ряду, привалившись спиной к шершавой стене. Сил не было, в голове туман, сквозь который с трудом пробивались одинокие мысли.

Где улыбчивый врач, который приходил ко мне в последние дни? Где белая палата и писк приборов? Куда делась горечь лекарств и ни на миг не прекращавшаяся боль?

Где я? Кто я?

Мои прежние воспоминания смешивались с новыми, чужими и в то же время пугающе родными. Я уже не Марина Ларина, доживающая свои последние дни в больнице, а просто Мари — дочь портного Томаса. Это он как раз сидел в первом ряду, время от времени нервно почесывая лысину. Он давно уже ничего не шил, променяв любимое дело на бутылку, его руки потеряли сноровку и тряслись. А ведь когда-то к нему выстраивались очереди из модниц.

Бабища рядом с ним — моя мачеха Фернанда. Злая жадная ведьма, жаждущая прибрать к рукам все, включая мое скучное наследство. Двое парней и девчонка — ее дети от первого брака. Стен, Гарри и Таша. Мерзкая троица, достойная своей матери.

Они живут в доме моего отца, едят за его счет, тратят то, что он скопил за всю жизнь, и ни в грош его не ставят. А отец слишком слаб, чтобы отстоять свое мнение и защитить меня. Стоило ему только подать голос и возмутиться, как Фернанда тут же подливала ему пойла, и после пары чарок отец уже не помнил ни обид, ни того, что у него есть дочь.

Мари тоже была слаба. Не от рождения, а потому что мачеха и ее подпаивала. Планомерно травила, мечтая избавиться от лишней обузы и препятствия к единовластному владению домом и всем, что было у папеньки. Каждый день заставляла глотать горький чай, от которого шла кругом голова и хотелось спать. От ядовитых настоек мысли путались. Порой Мари забывала свое имя

и не могла связать и пары слов. Не в силах противостоять мачехе и ее подлым отпрыскам, она угадала и подходила все ближе к краю, пока не настал сегодняшний день.

И тогда появилась я... Жадная до жизни, счастливая от того, что больше нет боли, и дико благодарная судьбе за второй шанс.

Тем временем усатый мужчина, сидящий за столом, заговорил:

— Меня зовут Кеннот Вилс. Сегодня я собрал вас всех, чтобы огласить последнюю волю Эммы Бран — родной сестры Томаса Брана.

Папенька с утра не пил ничего крепче чая, поэтому тяжко вздохнул, вспоминая свою старшую сестру. Теткой она была странной: высокой, сухой, словно жердь, седой с двадцати лет. Характер у нее был тяжелый и по-мужски требовательный, поэтому замуж она так и не вышла, детьми не обзавелась, и единственным наследником оказался мой отец.

Что не могло не радовать Фернанду. От нетерпения она елозила по лавке, и ее сытые, раскормленные телеса перекатывались под блестящим атласом. Рядиться она любила в яркое и считала себя женщиной сочной и аппетитной. А окружающим не хватало смелости указать на ее вульгарность — со скандальной Фернандой предпочитали не связываться: как начнет орать, так не отвяжешься.

— Готовы ли вы выслушать и принять ее волю?

— Да-да, — мачеха быстро закивала, и все ее подбородки дружно дрогнули и пришли в движение, — готовы.

— Дом в Ривер-Холле достается Томасу Брану. Дом на берегу озера Ван так же достается Томасу Брану. Участок возле горы Холлирдан — тоже ему.

— Святая женщина. — Мачеха, с трудом переводя дух от восторга, прижала руку к внушительной груди.

Шутка ли, сразу два дома да участок пришли в ее жадные лапы! Наверняка она уже подсчитывала, сколько денег выручит от продажи и как хорошо будет жить со своими великовозрастными детками, не работая и ни в чем себе не отказывая. Отца она в расчет не брала, меня — тем более.

Усатый тем временем перечислял мелочи вроде антикварной мебели и украшений, которые тоже переходили к отцу. Даже собака и та ему досталась.

И все-таки Фернанда ждала не этого.

— Переходите, пожалуйста, к ее накоплениям. Наверняка у бедняжки имелись депозиты в банке, и немалые.

Усач нахмурился и перевернул лист.

— Про накопления нет ни слова.

— Как же? Куда она все подевала? Как... — Мачеха побагровела от гнева, но кое-как взяла себя в руки. — А что с делом всей ее жизни? Про него она не забыла?

Что за дело — никто из нас не знал. Известно было только то, что Эмма много работала на саму себя и зарабатывала прилично.

— Вы про Алмазные водопады?

— Алмазные водопады, — благоговейно выдохнула мачеха, тут же забыв о пропавших накоплениях.

— Да, они указаны в завещании и, согласно последней воле хозяйки, переходят... — он немного замешкался, ища нужную строчку, — переходят к ее племяннице Мари Бран.

И тишина...

Кажется, мачеху парализовало. Ее сыновья гневно шевелили ноздрями, а дочка еще сильнее надула губы, а потом и вовсе выдала брезгливое:

— Да какая она наследница? Умом уже давно тронулась.

— Таша! Не смей так говорить про сестру! — картино возмутилась Фернанда, метнув предупреждающий взгляд на доченьку, а потом обернувшись к усатому и заискивающе произнесла: — Понимаете, Мари... бедняжка... неизлечимо больна. Неведомая хворь поразила ее тело и не пощадила рассудок. Я ухаживаю за ней, и каждый день сердце кровью обливается, когда вижу, как она мучается...

Вот зараза.

— Да все в порядке со мной, маменька. Не переживайте, — бодро произнесла я, поднимаясь с лавки, — где подпись ставить?

Родственнички вытаращились так, будто увидели привидение. Фернанда аж подавилась и начала хватать ртом воздух, как большая рыбина, попавшая в сети. Воспользовавшись их замешательством, я подскочила к столу, выхватила у усатого

ручку и поставила подпись напротив Алмазных водопадов аккурат в графе «Получено».

— Не смей! — взвизгнула мачеха дурным голосом, но было уже поздно.

— Подпись поставлена, — безапелляционно заявил усатый, — принята и закреплена магическим соглашением.

— Сотрите немедленно! Она не имела права подписывать! Это нее ее!

— Согласно завещанию — ее. Все законно.

Фернанда побагровела. В ее маленьких злобных глазках, нацеленных на меня, сверкало обещание стереть в порошок. У меня аж мурашки по спине побежали. С нее ведь станется — отравит или в реке утопит. А дорогие братья так и вовсе живьем закопают и не поморщатся.

— Могу я сразу свое завещание составить? — по-деловому поинтересовалась я.

— Это ваше право.

— Тогда записывайте. Завещаю все своим детям. Если на момент моей кончины таких не будет, то пусть Алмазные водопады перейдут во владение... детского приюта.

На пергаменте проявились зачарованные буквы, и я поставила еще одну подпись, закрепляя свое решение. Теперь даже если мачеха или ее отпрыски решат от меня избавиться — не видать им ни алмазов, ни водопадов.

Фернанда тоже это поняла.

— Мерзавка! Что творишь? — вскочила она на ноги. Да так проворно, что лавка вместе с папень-

кой завалилась на бок. — По миру нас пустить на-думала?!

— Ну зачем вы так, матушка? У вас два дома, участок и антикварные стульчики, — ласково произнесла я, — с голоду точно не помрете.

На этом оглашение завещания дорогой тетушки Эммы завершилось, а я вот так получила шанс на новую жизнь, а заодно стала обладательницей внезапного наследства в виде таинственных Алмазных водопадов.

....॥ ГЛАВА 2 ॥....

— А ты пешком! — грубо оттолкнула меня Фернанда, когда я попыталась забраться в телегу следом за остальными. — Мест нет!

Мест было полно! Но не для Мари.

— До деревни далеко.

— Ничего, дойдешь, — фыркнула мачеха и приказала вознице: — Трогай.

Телега, запряженная двумя гнедыми, дернулась и с натужным скрипом тронулась с места. Братья от меня отвернулись, Таша показала язык, а папенька сделал вид, что его очень интересуют мозоли на собственных ладонях. Помощи от него можно было не ждать. Когда Фернанда злилась — а сейчас она очень злилась, — он старался притвориться ветошью и не привлекать к себе внимания.

— Ну и ладно, — пробухтела я, глядя, как телега удалялась, заметно накренившись в ту сторону, где сидела Фернанда, — прогуляюсь.

Лучше уж самой, на своих двоих, чем с этой семейкой. Тем более мне было о чем подумать.

Всю дорогу я копалась в воспоминаниях Мари. Интересного мало — в основном незаслуженно

обидное от сводных братьев, сестры и мачехи. Бедная девчонка, это же надо было так ее заморить, чтобы ничего хорошего в памяти не осталось! Жалко ее стало. Славная она была, добрая. Не то что я... мерзавка такая, посмела обобрать бедняжек.

Прогулка до деревни заняла несколько часов, но я получила от нее ни с чем не сравнимое удовольствие. Словами невозможно передать, какое это счастье, когда шагаешь на своих двоих, здоровая, бодрая. Нигде ничего не болит, и над головой не занесен дамоклов меч. А кругом природа, птицы поют, шмели жужжат!

Увы, моя счастливая физиономия не понравилась мачехе.

— Еще улыбаться смеешь? — завизжала она, едва я перешагнула порог. — Воровка! — Схватив за шкирку, она потащила меня в чулан. Швырнула в него, как щенка, дверь захлопнула и, звякнув щеколдой, зло прошипела: — Ужина не получишь!

Она неоднократно наказывала так бедную Мари, и если бы не жители деревни, которые знали о существовании девушки, и вовсе бы сгноила ее в душном чулане.

Свет пробивался только через щели в двери, но постепенно глаза привыкли, и я смогла рассмотреть скучную обстановку. В одном углу грязные грабли и лопаты, в другом мешки, набитые старым шмотьем. На них я и расположилась. Вполне себе удобно, если не обращать внимания на пыль, от которой слезились глаза и свербело в носу.

Чулан находился как раз напротив кухни, и вскоре до меня донеслись аппетитные ароматы и стук ложек по тарелкам. Сквозь узкую щель я могла видеть, как семейство ужинало, жадно уплетая тушеную картошку с мясом.

В животе жалобно заурчало, а потом накатила страшная усталость. Я на минуточку прикрыла глаза и тут же провалилась в сон. Снилось мне море, бескрайние леса и свежий ветер, приносящий брызги водопада. Потом и сами водопады увидела. Они так сияли на солнце, что и правда казались алмазными. А еще мне чудились переливчатые голоса, которые манили сладким шепотом:

— *Иди к нам. Иди. Мы ждем тебя.*

Я бы и рада отправиться в путешествие, да кто бы меня отпустил. Во сне стенки чулана начали двигаться навстречу друг другу, сжимая пространство. Оно сначала превратилось в узкий лаз, потом в собачью конуру, а затем... в больничную койку. Я снова была прикована к аппаратам, и мерзкий писк отмерял секунды моей жизни. Так страшно стало, что я проснулась, едва не свалившись с мешка на грубый дощатый пол. Быстро провела себя, пощипала для верности и только после этого успокоилась — все на месте: и мое новое тело, и чулан.

Снаружи было уже темно. Я тихо поднялась, приложила ухо к двери и прислушалась. В доме стояла тишина — все спали, а значит, пришло время Марии. Был у нее один секретик...

Я нашупала справа на стене небольшой крючок и намотанную на него ниточку. Размотала ее и, аккуратно перехватываясь пальцами, потянула. Послышался едва различимый щелчок, и щеколда на двери открылась. Бесшумно отворив дверь, я вышла в коридор. Дом был погружен во тьму и тишину, поэтому на цыпочках, стараясь не скрипеть половицами, я отправилась на поиски еды. С аппетитом у молодого тела все было в порядке. В животе сердито урчало, и пить хотелось. Я про бралась на кухню, достала из ящика хлеб, из под пола моток колбасы да кругляш сыра. Сделала себе внушительный бутерброд и запила его яблочным квасом, который Фернанда хранила в больших бутылях под окном. Стало лучше.

И только я насытилась, только расслабилась, как за спиной раздалось хриплое:

— А ну брось!

Я бросила остаток бутерброда на пол и подняла руки кверху:

— Сдаюсь.

Тишина... а потом как захрапело... С опаской оглянувшись, я поняла, что та грудка барахла, которая валялась на топчане в углу кухни, — это панька. Фернанда снова напоила его до потери пульса и выставила из спальни.

— Да чтоб тебя! Такой бутерброд испортила!

Я подобрала остатки и выкинула их в окно, чтобы замести следы преступления. Папане сунула под голову свернутую кофту, а сама отправилась в тот закуток, который был камерой... то есть комнатой Марии.